

Олег Сабанов

SAME
MAN?
DIFFERENT
SOUL?

ЧЕТВЕРТОЕ

СЕНТИМЕНТАЛЬ

Олег Сабанов

Четвертое состояние

«Автор»

2026

Сабанов О. А.

Четвертое состояние / О. А. Сабанов — «Автор», 2026

Можно ли заиграться в собственную депрессию до такой степени, что вокруг нее возникает целая вселенная? История о том, насколько глубоко зачастую дремлют наши потаенные страхи, и о великой ментальной связи, где в космической игре сансары ученик и учитель могут в любой момент поменяться местами, чтобы спасти друг друга.

© Сабанов О. А., 2026

© Автор, 2026

Олег Сабанов

Четвертое состояние

Мы знали друг друга давно, еще с той благословенной поры, когда вместе стремглав выскакивали из класса после долгожданного звонка на перемену, а свободное от уроков время по большей части проводили в шумных мальчишеских компаниях на свежем воздухе, поскольку о сети Интернет и смартфонах никто еще слухом не слыхивал. После окончания школы наши пути разошлись, и мы не виделись около десяти беспокойных для меня лет, чтобы буквально нос к носу столкнуться в многолюдной зоне касс самообслуживания недавно открывшегося дискаунтера.

— Привет, — коротко бросил он глухим голосом и смущенно потупил взгляд.

— Здорово, Виталик! Сколько лет, сколько зим! — машинально отозвался я, лишь каким-то чудом произнеся имя внезапно повстречавшегося приятеля вместо прилипшей к нему в детстве клички Витамин, после чего выпалил стандартный в подобной ситуации набор вопросов: — Куда пропал? Как жизнь? Где сейчас обитаешь?

Ранее до меня доходили противоречивые слухи о его переезде вместе с матерью и бабушкой из нашего района то ли на окраину города, то ли, наоборот, в самый центр без каких-либо уточняющих предельно скудные сведения подробностей.

После натянутой паузы мой школьный приятель натужно выдавил из себя пару фраз, подтверждающих информацию о своем новом месте жительства в пригородных новостройках и тут же умолк, словно боясь сказать лишнего. Казалось, весь его облик: холодное выражение бледного лица, потухшая голубизна когда-то лучащихся задором глаз, сжатые сухие губы, спутанная копна темно-русых волос, легкая сутулость и даже неуместная для погожего июльского дня плотная мешковатая толстовка в мелких катышках, призваны были отбить желание общаться с подобным типом. Меня это никак не раздражало, поскольку к своим двадцати семи годам я так и не создал семью, часто перебивался случайными заработками, а потому тоже не горел желанием рассказывать о своем пустом существовании кому бы то ни было, подслащивая горькую правду избитыми фразами «Что ни делается — все к лучшему», «Какие наши годы!» или коротким, но емким «Прорвемся!». Уже одно то, что встреча двух молодых пока еще людей спустя десяток лет случилась в магазине для нищеводов говорило само за себя, подводя хоть и промежуточный, но весьма печальный итог нашим жизням.

Мы практически синхронно оплатили немногочисленные покупки в соседних кассах, после чего вместе вышли из магазина. Виталик молчком направился к виднеющейся за цветущими липами остановке общественного транспорта, я же после секундного колебания засеменил следом, намереваясь напоследок все-таки ненавязчиво поинтересоваться, почему он прикатил в свой бывший район проживания из-за сущей ерунды, если подобные дискаунтеры выросли как грибы после дождя по всему городу.

— Будем на связи! — вдруг резко остановившись, заявил Виталик каким-то неестественно игривым тоном и достал из кармана древний мобильник.

На мгновение мне померещилось, что передо мной теперь совсем другой человек вместо того, который повстречался в магазине, уж больно разительная перемена моментально изменила черты его лица и осанку. Уверенно расправив плечи, мой школьный приятель сверлил меня пронизательным небесно-голубым взглядом надменного интеллектуала с лукавой улыбкой разом порозовевших губ, а легкий румянец на щеках лишь довершал картину удивительного преображения. Малость потрясенный таким поворотом, я чуть не выронил из рук свой новенький телефон бюджетной модели, однако быстро вернул самообладание, и вскоре мы обменялись контактами.

— Ну, бывай, дружище! Даже не представляешь, как я рад нашей встрече! — панибратски хлопнул он меня по плечу, завидя показавшийся из-за поворота автобус, а затем с игривым смешком добавил: — Леночке привет!

— Счастливо! Звони! Матушке своей, тете Нине, тоже привет передавай! — автоматически вырвалось у меня в ответ.

И лишь когда Виталика сфырчаньем отработанного воздуха скрыла пневматическая желтая дверь автобуса, я вновь пришел в недоумение. Дело в том, что Ленчик стала моей близкой подругой около полугода назад, и в течении всех этих шести месяцев мы то сходились, то расходились, то болтали ночи напролет, то блокировали контакты друг друга, иногда мирились, однако дурной норов обоих быстро разрушал идиллию. Вот только как обитатель другого района города, пропавший из поля зрения на десять лет, оказался в курсе нашей сумбурной связи настолько, что назвал имя моей взбалмошной пассии и передал ей привет? Закономерный вопрос крутился в голове до тех пор, пока я не убедил себя в том, что Виталик посещал мою страничку в соцсетях, где мы с Ленчиком красовались на парочке снабженных кратким пояснительным текстом фотографий для всеобщего обозрения.

Поздно вечером того же дня любопытство, усиленное скукой одиночества в пустой квартире, заставили меня впервые потревожить одноклассницу Лилию личным сообщением в соцсети, где мы обменивались лайками и сгенерированными нейросетью открытками. В детстве Виталик был нашим общим школьным приятелем, а потому я попросил всеведущую сотрудницу МФЦ по работе с документами и клиентами Лилию Максимовну поделиться известной информацией о нем. Конечно, пришлось написать, что интересуюсь из лучших побуждений, а не сплетен ради. Ее короткий ответ не заставил себя долго ждать:

«Насколько знаю, он сейчас на учете у психиатра. Ни с кем из наших не общается, из соцсетей удалился, по-моему, не работает. Живет в городе, но район поменял. Ты разве не знал?».

После внимательного прочтения сообщения от одноклассницы, мне оставалось только в двух словах поблагодарить ее за любезно предоставленную информацию, сходить в туалет и завалиться спать в холодную постель. Однако прихода сна той ночью пришлось ждать намного дольше обычного, поскольку его отпугивали всплывающие образы Виталика из нашей последней встречи, а также навязчивые мысли о грани между сумасшествием и так называемой нормальностью. К тому же не хватало рядом Ленчика, с которой мы днем ранее разругались из-за сущего пустяка, вследствие чего в очередной раз, по ее словам, «разошлись как в море корабли».

К счастью, следующим утром я мог не вскакивать по рингтону будильника, так как с позволения начальника отдела взялся в срок сделать нудную офисную работу с таблицами и текстами на дому. После позднего завтрака из чашки кофе с бутербродом, мне, чертыхаясь и кляня утомительное занятие, пришлось усестись перед монитором, чтобы к трем часам по полудню с горем пополам завершить намеченное на день. Залитый ярким июльским солнцем городской пейзаж за окном с утопающими в зелени улицами настойчиво призывал меня выбраться из каменной берлоги хотя бы вечером, однако я собирался лишь сбежать в магазин ввиду необходимости восполнить оскудевшие запасы съестного или попросту обратиться в экспресс-доставку супермаркета, позволяющую вкусить аромат кратковременного затворничества. Усугубляющаяся депрессия из-за безуспешных попыток повысить свое финансовое благополучие и выстроить крепкие отношения с понимающим тебя человеком подпитывала растущую пугающими темпами озлобленность на окружающий мир с его порядком вещей, все чаще представлявшийся полным безысходности идиотским спектаклем, отчего угасало естественное желание лицезреть себе подобных тварей, тем более с ними общаться. Радоваться буйству зелени и солнца за окном могли разве что блаженные дурачки или те, кому посчастливилось не замечать бессмысленности происходящего вокруг. Меня же залитый светом пей-

заж теперь лишь раздражал своей фальшивой, глянцевого жизнерадостностью. Вся эта уличная суэта казалась огромным, копошащимся термитником, где тысячи одинаковых, пустых существ целеустремленно бежали по своим идиотским делам, симулируя важную и наполненную смыслом жизнь.

Особенно тошнило от мысли, что придется выйти наружу и воочию лицезреть эти осточертевшие, насквозь лживые морды прохожих. Каждая случайная встреча на улице, каждый дежурный обмен любезностями с кассиром в супермаркете или натужная улыбка соседа по подъезду вызывали у меня глухую, удушливую злобу. До чего же предсказуемы и жалки были эти двуногие твари! Они вечно чего-то требовали, суетились, копили копейки, размножались и с глупым упорством играли в свои социальные роли, даже не понимая, что весь их мир — это дешевый, затянувшийся фарс. Их фальшивое сочувствие, их пустая болтовня, их вечные попытки казаться «нормальными» и успешными — все это вызывало у меня лишь ядовитую желчность и брезгливость.

Собственная пустая квартира казалась мне единственным надежным убежищем, каменной берлогой, где можно было запереться от этого человеческого мусора. Одиночество, конечно, горчило, но оно было честным. Оно избавляло от необходимости натягивать на физиономию маску благополучия и подслащать горькую правду избитыми, тошнотворными фразами. Лучше уж гнить здесь, в тишине и бардаке, наедине со своей финансовой безысходностью и разрушенными отношениями, чем соучаствовать в общем безумии и симулировать радость от созерцания себе подобных существ. Мир вокруг стремительно катился в какую-то беспросветную бездну, и самым приятным занятием было сидеть в темноте, смаковать свой прожженный цинизм и тихо, методично ненавидеть каждого, кому хватало глупости чувствовать себя счастливым.

Экспресс-доставку я в итоге заказывать не стал — задушила жаба платить лишнюю сотню, да и в сигаретной пачке сиротливо болтался последний фильтр. Пришлось вытряхнуть себя из домашних шорт, натянуть мятую футболку и выползти на улицу, в раскаленное марево июльского двора.

Возле самого подъезда, на свежепокрашенной зеленой скамейке, за запыленным кустом сирени окопалась баба Тоня из сорок второй квартиры — местный самопровозглашенный смотритель нашего убогого кондоминиума. Она сидела, обмахиваясь засаленной бесплатной газетой объявлений, и провожала каждого прохожего тяжелым, оценивающим взглядом ревизора. Стоило мне поравняться с ней, как она заприметила мою кислую мину и завела свою извечную волюнку:

— Чего это ты бледный такой, совсем из дома не выходишь? Молодой же парень, а сычом сидишь. Жениться тебе надо. Скоро тридцать лет, а все один, ни семьи, ни ума...

Я лишь процедил сквозь зубы какое-то невнятное приветственное мычание, даже не замедляя шага, хотя внутри все мгновенно закипело от привычной удушливой злости. До чего же этим пустым, прожившим никчемную жизнь старикам так жизненно необходимо засунуть свой нос в чужую безысходность. Какое им дело до моей бледности и до моих уплывающих к тридцати годам перспектив? Неужели их собственная жизнь, состоящая из просмотра копеечных сериалов и обсуждения цен на подсолнечное масло, казалась им образцом для подражания, которым они щедро пытались наделить каждого встречного?

Пока я шел до супермаркета мимо облупившихся детских площадок, где в пыли копошились крикливые дети, и припаркованных прямо на газонах старых иномарок, это мимолетное столкновение еще долго ворочалось в голове тяжелым, ядовитым комом. Весь окружающий мир, от бабы Тони до ржавых машин, казался мне затянувшейся, плохо срежиссированной пьесой, где актеры забыли свои роли и просто несли бытовую околесицу, отравляя воздух своим бессмысленным присутствием.

Его звонок раздался в тот момент, когда я с увесистым пакетом направился обратно домой, выйдя из близлежащего супермаркета.

— Привет, Виталя! — бодро сказал я в трубку, скрывая тем самым искреннее недоумение.

Мне казалось, что произошедший не далее как вчера обмен телефонными номерами с ним был обычной данью вежливости, чистой формальностью в ситуации, когда два знакомых человека ищут повод поскорее распрощаться.

— Слушай, я возле твоего подъезда. Хотел зайти в гости, но номер квартиры забыл. Ты же дома? — как ни в чем не бывало заявил он.

— Будь там, сейчас приду, — оставалось ответить мне.

Пять минут спустя наше рукопожатие в тени моего дома невольно обернулось дружескими объятиями с похлопыванием по спине, поскольку на этот раз мой давний приятель сам подался ко мне всем телом. Пока мы под собственную непринужденную болтовню поднимались в лифте, я осторожно поглядывал на Виталика, но всякий раз инстинктивно избегал прямого зрительного контакта, памятуя узнанное от одноклассницы Лили. Очевидно, заметив это, уже у входной двери он спокойно сказал:

— Все нормально. Мое сознание пока вполне ясное.

Не зная, как реагировать на его неожиданную прямоту по столь деликатному вопросу, я замялся, судорожно подбирая подходящие слова, но в итоге постарался попросту сменить тему, едва мы оказались в прихожей:

— Извиняй, в комнате страшный бардак. Рабочее место, харчевня, опочивальня и рюмочная в одном флаконе.

Пока я заваривал чай на кухне, обуреваемый смутными догадками одна тревожнее другой по поводу неожиданного гостя, тот не подавал ни звука из большой комнаты, где сразу уселся в кресло напротив запыленного экрана вечно выключенного телевизора. «Вот же екарный бабай! — думалось мне с нарастающим раздражением. — Только выдалась возможность передохнуть в одиночестве от насквозь фальшивых осточертевших морд, и тут через десяток лет нарисовался знакомый чувак, с которым вообще теперь непонятно, как себя вести. Ляпнешь что-нибудь не то, а он за нож. Или укусит...». Видимо, сочащиеся мизантропией мысли скривили мою физиономию настолько, что явившийся вскоре на кухню гость виновато произнес, садясь у стола:

— Поверь, бро, мне меньше всего хотелось напрягать тебя. Понимаешь...

— Не парься! Лучше расскажи, чем после школы занимался, — чересчур резко оборвал я его.

Виталик на секунду осекся, как показалось, нервно вздрогнув, однако затем продолжил то, о чем начал говорить:

— Понимаешь, мне без тебя, походу, никак. Видит Бог, долго терпел, но после вчерашней встречи решил приехать.

После сказанного гостем на кухне воцарилась тишина, красноречиво свидетельствующая о странности его пассажа. У меня поначалу даже возникло сожаление, что по доброте душевной пришлось пустить к себе в дом такого чудного типа, однако затаенная злоба к так называемым нормальным людям, помноженная на хроническое недовольство самим собой, все чаще выливалась прожженным цинизмом, а потому я спросил с изрядной долей ехидства:

— И что же такого уникального во мне обнаружилось?

— Сейчас попытаюсь объяснить, если получится, — ответил Виталик, сдавленно кашлянул пару раз, как бы подчеркивая важность своих слов, и чуть тише начал издали: — Вряд ли ты помнишь, как в пятом классе на перемене мы с тобой сцепились из-за сущей ерунды. Тогда во время нашей драчки я получил ощутимый тычок в голову, благодаря чему впервые пережил то удивительное состояние, которое невозможно передать словами. Со временем я окрестил

его для себя «четвертым состоянием», в отличие от трех других, обычных для человеческого сознания — сна, сна со сновидениями и бодрствования. В нем я становлюсь источником времени и пространства, а потому всех состояний с их чувствами и эмоциями. Точнее сказать, меня там нет, поскольку проясняется призрачная природа привычного «я», история которого сплетена из нитей воспоминаний и привычек, на поверку оказывающихся лишь чередой навязчивых мыслей, больше множества остальных способных приносить волнение и тревогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.